

Услышав слова о свадьбе и покупке приданого, Линь Мяо поняла, что речь идёт вовсе не о крёстной матери. Она слишком хорошо знала, что значит покупка приданого.

Нечто похожее произошло в её деревне с сяо Лин, самой младшей из девочек, ходивших вместе с ней за хворостом.

П.р.: Сяо — обращение старших к младшим.

У её дяди не было детей, и когда сяо Лин была ещё маленькой, он забрал её из соседней деревни, где жила родная семья Лин. После удочерения её обязали называть своих биологических родителей третьим дядей и третьей тётей, а второго дядю и его жену — отцом и матерью, и запретили ходить в соседнюю деревню.

Все говорили, что новые отец и мать очень добры к Лин и обязательно купят ей хорошее приданое, а потому она обязана быть благодарной и заботиться о них в старости.

Однако по секрету, сяо Лин рассказала Линь Мяо, что ненавидит новых родителей, так как они родили ей младшего брата, после чего её стали часто бить. Да и сам брат часто дерётся. По её словам, спокойнее всего ей было, когда она уходила за валежником вместе с другими детьми.

Она может заботиться о приёмных родителях, когда вырастет, но была готова отказаться от приданого, лишь бы ей позволили уйти домой. Когда сяо Лин захотела вернуться к настоящим родителям, ей строго-настрого запретили возвращаться в родную деревню. Вместо этого ей велели заботиться о младшем брате, обещая купить приданое в будущем. Сяо Лин говорила, что ей не нужно никакое приданое, она просто хочет домой, где её не будут бить.

Когда Шуйшуй слышала слова матушки Юй о помощи со свадьбой, а особенно о покупке приданого, её разум пришёл в смятение, а в носу защипало, и вскоре слёзы хлынули из глаз.

«Неужели я теперь как сяо Лин? Неужели мне запретят называть родителей папой и мамой? Я тоже не смогу пойти домой? Значит, мне придётся остаться здесь навсегда? И я не смогу вернуться даже на лунный Новый год?» — запаниковала она.

Ей ещё никогда не было так страшно — даже страшнее, чем во время похищения.

Линь Мяо никогда ещё не находилась вдали от дома так долго. Самое большее — она уходила в школу утром и возвращалась вечером. Всё это время, ощущая подавленность, Шуйшуй успокаивала себя тем, что вернётся к родственникам на Новый год. А теперь ей вдруг говорят, что она не сможет вернуться? От переживаний Линь Мяо не смогла сдержать эмоций.

Улыбающиеся взрослые были шокированы реакцией Линь Мяо.

— Что такое? — испуганно спросила матушка Юй, взяв девочку за руку.

А Линь Мяо думала о том, что всё это — её наказание за то, что она не смогла должным образом позаботиться о юном господине, пока они были вне дома. Ведь она заставила старшего братика страдать от солнца, ветра и беготни.

Ну, она ведь и правда не смогла найти лучшего пути.

Чем больше Линь Мяо думала об этом, тем тяжелее ей становилось. Она плакала всё сильнее. Ей хотелось объяснить, заверить, пообещать, что она больше никогда-никогда не позволит старшему братику стоять на ветру, обгорать на солнце... Но она плакала так сильно, что не могла вымолвить ни слова.

Пострясённая матушка Юй принялась успокаивать Линь Мяо:

— Всё хорошо, всё будет хорошо. Не бойся, ты можешь сказать всё, что считаешь нужным, — приговаривала она.

Наконец, Линь Мяо смогла остановиться. Всё ещё задыхаясь, она начала говорить:

— С этого дня... я буду... хорошо заботиться... о старшем брате... и вас тоже... буду содержать... в старости... только не надо... приданого...

Родители юного господина были в недоумении. Они полагали, что Линь Мяо будет рада принять их предложение. Ведь в этом случае ей не придётся возвращаться в свою глухую деревеньку, она всегда будет обеспечена вкусной едой и красивой одеждой. Разве всё это — не то, что любят дети?

Особенно сильно обеспокоилась матушка Юй: она уже чувствовала себя виноватой, что вообще подняла эту тему.

— Шуйшуй, не волнуйся, говори медленнее. Не плачь, в слезах нужды нет, — продолжила она успокаивать Линь Мяо, а тем временем подала мужу знак позвать ся Юя. Все знали, как тесно сдружилась эти двое.

У Линь Мяо от сильного плача появилась икота. Чем сильнее она пыталась что-то сказать, тем сильнее волновалась, и тем труднее ей становилось произносить слова.

К счастью, в этот момент появился Юй Цзинсюань.

— Шуйшуй, старший брат уже здесь, — сказал отец.

Хоть юный господин и привык к дурацким поступкам двоих взрослых, он всё равно рассердился на них. Когда он увидел заплаканную Линь Мяо, его сердце сжалось.

— Шуйшуй, не слушай ты их глупости. Давай позвоним главе деревни, и ты вернёшься домой к Новому году, а эту чепуху забудь — сказал он, доставая телефон.

Пока Юй Цзинсюань спускался по лестнице, отец объяснил ему, что Линь Мяо по неизвестной причине расплакалась, когда они рассказали о своём желании удочерить её.

В отличие от родителей, юный господин отлично знал, с каким нетерпением Линь Мяо ждала Нового года.

Как и ожидалось, едва услышав, что вернётся домой к Новому году, Линь Мяо немного успокоилась.

— Но я... не смогу... называть родителей... папой и мамой... — всхлипывая, выговорила она.

— Не слушай ты их. У тебя есть только одна мама и один папа — твои настоящие родители, — твёрдо заявил Юй Цзинсюань, вытирая слёзы с её маленького личика. Покрасневшее и немного распухшее от слёз лицо Линь Мяо вызывало жалость.

Родители юного господина, даже не подумавшие об этой стороне проблемы, почувствовали себя неловко, однако, понимая, что сами довели Линь Мяо до слёз, поддержали сына:

— Да, Шуйшуй, у тебя есть только одни родители.

Получив заверения взрослых, Линь Мяо сразу почувствовала облегчение. Но затем она осознала, что плакала на глазах у стольких людей и ощутила невероятный стыд. Шуйшуй быстро вытерла слёзы и поклонилась родителям юного господина.

— Я обязательно... ик... буду хорошо заботиться... ик... о старшем братике...

— Ты уже хорошо позаботилась, даже лучше, чем врач, — похвалил её Юй Цзинсюань и, погладив её по голове, потянул за собой. — Пойдем, позвоним главе деревни.

Услышав эти слова, Линь Мяо тут же последовала за юным господином.

Когда ребёнок перестаёт плакать, его настроение обычно быстро улучшается. Особенно, если это позволило излиться эмоциям, которые долго подавлялись.

Был яркий солнечный день и Юй Цзинсюань вывел Линь Мяо в сад, чтобы совершить звонок.

— Братик, ты уверен, что больше не простудишься на ветру? — встревожилась Линь Мяо.

— Я больше не боюсь простудиться. Твой старший братик в добром здравии, — ответил юный господин и, обняв её, приподнял над землёй, чтобы доказать что он действительно в хорошей форме.

Конечно, в своём возрасте он не смог бы поднять ровесницу на руки, как принцессу, поэтому просто потянул её словно редьку так, что ноги девочки оторвались от земли.

Линь Мяо внезапно рассмеялась: она почувствовала себя морковкой, которую выдернули из грядки, а к тому же руки брата на её талии вызвали щекотку.

— Братик, братик, отпусти меня!..

И как только Юй Цзинсюань поставил её на землю, Линь Мяо тут же последовала его примеру: обхватила названного брата и разочек «дернула редьку».

— Смотри, братик, я тоже могу тебя поднять! — взволновано закричала она.

Юный господин от такого поворота судьбы мог только молча улыбнуться.

Дети хихикали над «выдёргиванием редьки» всю дорогу через сад, аж пока не дошли до беседки, оплётённой виноградной лозой. Там Линь Мяо по памяти назвала телефон деревенского старосты.

Юй Цзинсюань набрал номер и спустя пару гудков они услышали:

— Да?

Линь Мяо сразу узнала голос.

— Сяо Мэй, это Шуйшуй.

П.р.: Для тех, кто забыл: сяо Мэй — младшая дочь старосты, в отличие от да Мэй — старшей.

— О, Шуйшуй, когда ты вернёшься домой? Мы все по тебе соскучились. погоди, я позову сяо Лин и сяо Пан. Они слышали, что ты в прошлый раз звонила, и с тех пор постоянно просили дать им знать, когда ты снова позвонишь.

— Я вернусь к лунному Новому году. Кстати, мама уже вернулась?

— Ещё нет. Папа говорил, что твоя мама вместе с остальными переехала в город. А ещё он говорил, что они сейчас много зарабатывают и, наверно, уже не вернутся.

Мэй вспомнила, как отец рассказывал, что во время поездки в город встретил родителей Линь Мяо. Обсуждая эту встречу с женой, он сказал, что они трудятся, не покладая рук, а её отец даже стал подрядчиком. Отцу Мэй было непонятно, почему родители Линь Мяо, заработав столько денег, всё ещё не отправили своего сына в школу...

Сяо Мэй тогда помогала маме готовить и хорошо запомнила слова отца о том, что с таким заработком родители Линь Мяо вряд ли захотят вернуться в деревню.

Линь Мяо была ошеломлена. Но даже если родители не хотят возвращаться, ей всё равно хотелось проводить своих деревенских друзей. А ещё она хотела поиграть с большим лохматым Вэйфеном и проводить бабушку на окраине деревни, которая часто угощала её пирожками, и посмотреть на грушевое дерево, росшее у них во дворе, которое, вероятно, уже всюю плодоносило.

Когда Юй Цзинсюань услышал беседу Шуйшуй и сяо Мэй, его сердце оборвалось. Он испугался, что она снова заплачет, но в следующую минуту услышал её слова:

— Они действительно не вернутся? Тогда, сяо Мэй, проследи за грушевым деревом в нашем саду, не дай птицам уничтожить его. Если никто не вернётся, можете забрать плоды себе.

Мэй радостно согласилась, а затем поинтересовалась:

— Шуйшуй, тебе нравится работать в городе?

Юй Цзинсюань увидел, что Линь Мяо, казалось, не была затронута тем, что её родители не собирались возвращаться, и был поражен этим. Затем он, решив помочь ей поддерживать разговор, покачал головой и прошептал: «Учись хорошо». Линь Мяо послушно повторила за ним:

— Нет, это совсем не весело. Учись хорошенько, сяо Мэй.

В общем-то все старшие дети, отправлявшиеся в город на заработки, говорили подобное, когда возвращались.

— Чем же ты занимаешься каждый день? — спросила Мэй.

Моргнув, Линь Мяо осознала, что ей, похоже, теперь нечего делать. Названому брату больше не нужна капельница и ей уже не придётся следить за тем, чтобы бутылка с раствором не высосала кровь из его руки.

Завершив звонок, дети сели под виноградными лозами. Линь Мяо тревожно вздохнула:

— Мама говорила, что лучше жить в городе, чтобы иметь возможность учиться. Но я совсем не хочу уезжать в город... И я так и не узнала, стало ли младшему брату лучше...

Тогда Юй Цзинсюань понял, что в услышанном Линь Мяо обеспокоила только весть о переезде, а не мысль, что мать больше не заботится о ней.

Глядя на Шуйшуй, он вдруг ощутил в сердце то, что можно было бы назвать сердечной болью. Впервые в жизни ему захотелось, чтобы Новый год никогда не наступил.

Несмотря на мысли о переезде Линь Мяо повеселела. Она всё так же сможет называть родителей мамой и папой и вернуться домой к китайскому Новому году. Даже если после возвращения ей придётся переехать, она всё равно была счастлива.

Тем временем бабушка, которая уже была в курсе фарса, разыгравшегося вокруг разговора об удочерении, принялась массировать виски, наблюдая за детьми, устроившимися в саду.

Вспоминая слова дзен-мастера, она чувствовала тревогу, особенно когда думала о том, как сильно плакала Линь Мяо, когда решила, что не сможет попасть домой.

Поколебавшись, она всё же решила позвонить.

Случившееся в этот раз похищение и то, что заложники выжили, заставило множество людей назвать это чудом, Божьим спасением. Ведь когда были арестованы двое из бандитской шайки, оставшиеся похитители, конечно же, должны были убить заложников и уничтожить тела. Тем не менее юному господину удалось не только сбежать, но и два дня скрываться в лесу, несмотря на проливной дождь.

Чтобы оградить Линь Мяо от навязчивых репортёров, семья юного господина решила умолчать о её похищении.

Однако в семье Юй каждый знал, что спасением юный господин обязан именно Линь Мяо. Если бы не она, сяо Юй ни за что не выбрался бы из хижины, охраняемой собакой, и его бы утопили в водохранилище...

Матушку Юй мучило чувство вины из-за того, что она довела Линь Мяо до слёз, а так как после похищения она решила прекратить актёрскую деятельность и зажить обычной жизнью, то стала ещё более внимательной и ласковой с Шуйшуй.

Поначалу от этого Линь Мяо чувствовала себя неловко, но затем мать юного господина взяла её с собой в торговый центр, предложив перепробовать все конфеты и выбрать, какие из них купить для односельчан на китайский Новый год.

Она держала за руку Шуйшуй, а та, в свою очередь, держала за руку названного брата, и они все втроём радостно прогуливались по торговому центру, пробуя конфеты.

Мать юного господина решила обойтись без макияжа и укладки и надела обычную одежду. Вместе с детьми она ходила от прилавка к прилавку и пробовала конфеты.

Когда кто-то всё же узнал её, она сказала «вы обознались» и поспешила увести детей подальше, отказавшись давать автограф.

— Давайте сыграем в игру: будем прятаться от тех, кто нас узнает, — подмигнула матушка Юй детям.

Линь Мяо понравилась такая затея: похоже, будет весело.

Юй Цзинсюань считал, что для матери это уж слишком ребячливо, однако, услышав радостное «да-да!» Линь Мяо, тоже согласился.

Дети подошли к следующему прилавку и продолжили пробовать конфеты.

— Тётушка Юй, попробуйте вот эти, они очень вкусные! — восторженно воскликнула Линь Мяо и подала матери юного господина фруктовые конфеты, которые только что попробовала.

Старший братик не любил сладкое, поэтому для Шуйшуй особым удовольствием стало делиться конфетами с матушкой Юй, которой они нравились.

— Вкуснотища! — восхитилась госпожа Юй. — Шуйшуй, может, купим именно эти? Думаю, это лучшие из всех, что мы пробовали.

Раньше она старалась поддерживать себя в форме и даже не думала о конфетах, но теперь, стоило попробовать, и ей стало трудно остановиться.

Линь Мяо кивнула и взглянула на ценник: на нём было указано 125 юаней.

Она попробовала посчитать на пальцах, сколько сможет купить, но так и не смогла найти ответ. В конце концов она просто достала оставшиеся у неё деньги и спросила старшего братика:

— Сколько я смогу купить за двести юаней?

Из пятисот юаней, данных ей матерью перед уходом из деревни, пятьдесят были потрачены на путь до больницы и обратно, ещё двести пятьдесят забрали похитители, поэтому у неё оставалось лишь две сотни.

Юный господин тоже не знал ответ, ведь обычно он не пользовался деньгами, так как никуда не ходил, и они были ему просто не нужны.

— Шуйшуй, я сама заплачу, — сказала мать юного господина после короткой паузы.

— Нет, у меня есть деньги, — ответила Линь Мяо и попросила продавца отвесить конфет на двести юаней.

Получив в руки маленький пакетик, Линь Мяо задумалась: этого точно будет недостаточно.

Хотя в деревне и поговаривали, что мать Линь Мяо не вернётся, но это было обычное дело и раньше, когда ещё до школы она сама жила с матерью за пределами деревни. В то время они всегда возвращались на лунный Новый год, чтобы почтить предков, так что всё равно нужно приготовить конфеты малышам.

После возвращения, юный господин, опасаясь, что родители снова сделают что-то не то из благих побуждений, объяснил им ситуацию Линь Мяо.

Он рассказал, что она считает себя работающей на полставки (так как дети не могут работать на полную ставку), а также о традиции возвращаться в деревню к лунному Новому году, включающей в себя угощение односельчан конфетами и многое другое.

Выслушав рассказ юного господина, бабушка вздохнула.

— Малыш Юй, а что, если Шуйшуй, поехав домой, больше к нам не вернётся? — спросила она.

Растерявшийся Юй Цзинсюань больше не нашёл, что сказать.

Через пару дней господин Юй позвал Линь Мяо к себе в кабинет с самым серьёзным видом.

Линь Мяо с опаской последовала за ним, думая, что чем-то провинилась, но он вдруг вручил ей тысячу юаней.

— Что это, дядя Юй? — недоумевающе спросила она.

— Похитители отняли у тебя двести пятьдесят юаней, а полицейские изъяли у них эти деньги и заставили доплатить ещё семьсот пятьдесят, — объяснил господин Юй.

— Полицейские такие добрые! — восхитилась Линь Мяо.

— И вот ещё, — добавил тот, доставая нефритовый амулет.

— Хм, не думаю, что это мой. У меня был в форме рыбки, — возразила Линь Мяо, осмотрев камень.

— Твой сломался, так что теперь носи этот, — очень серьёзно сказал господин Юй, поэтому его слова прозвучали убедительно.

Линь Мяо послушно надела амулет и не стала о нём задумываться. Её беспокоило другое.

— Дядя Юй, в чём теперь заключается моя работа?

Господин Юй призадумался.

— Сейчас у тебя отпуск. Ты работала четыре месяца подряд без положенных восьми выходных в месяц, поэтому теперь я возвращаю тебе все выходные. Всего получается тридцать два дня.

Линь Мяо кивнула. Она уже знала, что у тех, кто работает, бывают выходные.

Выходя из кабинета, Линь Мяо увидела, как названный брат разговаривает с Дахуан:

— Это мой тапок, Дахуан. Не играй с ним, поняла?

— Гав-гав-гав! — запротестовала Дахуан, за ней вторили щенки.

— Если ещё раз погрызёшь мой тапок, мяса больше не получишь, — пригрозил юный господин, устав духовно и физически от собачьих проделок.

— Гав-гав-гав-гав... — продолжала отнекиваться Дахуан, и снова щенки поддержали её.

Линь Мяо подбежала к юному господину и увидела погрызенный тапок.

— Слушай, старший братик, может, она просто хочет на улицу, поиграть?

Юный господин согласился с этим. Из-за раны на шее Дахуан скучала дома с тех самых пор, как появилась здесь. Юй Цзинсюань проверил рану и, убедившись, что она почти зажила, отправился искать поводок. Бабушка дала ему поводок, однако немного обеспокоилась за детей.

— Только не выходите за пределы нашего района, — предупредила она.

С тех пор как Юй Цзинсюань узнал, что его тело в порядке, он был готов последовать за Линь Мяо куда угодно. Теперь он уже ничего не боялся.

— Подождите меня! — окликнула их мать юного господина.

Таким образом они отправились выгуливать собаку втроём.

Изначально матушка Юй подумала, что двоим маленьким детям будет тяжело выгуливать такую большую собаку, и решила помочь им, но после пробежки с Дахуан поняла, что и сама справляется с трудом. С этой собакой она никогда не располнеет.

Дахуан ещё не набегалась, поэтому Линь Мяо и юный господин продолжили выгуливать её сами, а мать осталась на лавочке присматривать за щенками.

В их микрорайоне многие жители гуляли с собаками.

П.п: Благодарю за внимание :) Поставьте, пожалуйста, свою оценку роману здесь: <https://tl.rulate.ru/book/55884>

Присоединяйтесь к нашей группе - <https://vk.com/webnovell> (промокоды на главы, акции, конкурсы и прочие плюшки от команды по переводам К.О.Д.)

<http://tl.rulate.ru/book/55884/1566359>